

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 181–200.

Научная статья

УДК 331.526(470)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.181>

Неформальная занятость: особенности на севере и юге России

Терентьева Марина Алексеевна^{1✉}, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

¹ Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Россия

¹ iesp@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6204-7363>

Аннотация. Распространение неформальной занятости является актуальным как для рынка труда РФ в целом, так и для её регионов. Актуальность проблемы исследования связана с отсутствием сравнительных данных по неформальному сектору экономики территорий севера и юга РФ. Причина роста занятости в неформальном секторе связана с развитием сферы услуг и цифровизации экономики, ростом конкуренции на региональных рынках, что приводит к разрастанию гибких форм занятости. Цель исследования заключается в оценке масштабов занятости в неформальном секторе в северных и южных регионах России с использованием производственного подхода. В работе предпринята попытка выявить и оценить экономические условия, влияющие на неформальную занятость в рассматриваемых регионах. Автором были рассмотрены три группы условий и отобраны показатели, характеризующие данные условия, которые легли в основу анализа динамики занятости в неформальном секторе. Панельные данные были собраны на основе информации Росстата за последние годы с сохранением сопоставимости методики сбора и обработки данных. В исследовании дана оценка занятости в неформальном секторе для регионов юга и севера РФ и сделаны выводы по влиянию вышеуказанных групп экономических факторов на занятость в неформальном секторе в данных регионах. Выявлена связь между душевым валовым региональным продуктом и неформальной занятостью. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть востребованными при оценке процессов изменения занятости в ходе разработки стратегий и программ развития регионов. Перспективность дальнейших исследований определяется более глубоким анализом степени влияния современной социально-экономической ситуации на уровень занятости в регионах.

Ключевые слова: неформальный сектор, занятость населения, север, юг, производственный подход

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках НИР «Влияние демографических вызовов на трудоустроенность северных и арктических территорий: новые реалии XXI века» (2025–2027 гг.).

Informal Employment: Features in the North and South of Russia

Marina A. Terentyeva^{1✉}, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

¹ Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, Russia

¹ iesp@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6204-7363>

Abstract. The spread of informal employment is relevant for the labor market of the Russian Federation as a whole, and for its regions. The relevance of the research problem is associated with the lack of compara-

* © Терентьева М.А., 2024

Для цитирования: Терентьева М.А. Неформальная занятость: особенности на севере и юге России // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 181–200. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.181>

For citation: Terentyeva M.A. Informal Employment: Features in the North and South of Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 181–200. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.181>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

tive data on the informal sector of the economy of the territories of the north and south of the Russian Federation. The reason for the growth of employment in the informal sector is associated with the development of the service sector and digitalization of the economy, increased competition in regional markets, which leads to the growth of flexible forms of employment. The purpose of the study is to assess the scale of employment in the informal sector in the northern and southern regions of Russia using a production approach. The work attempts to identify and assess the economic conditions affecting informal employment in the regions under consideration. The author examined three groups of conditions and selected indicators characterizing these conditions, which formed the basis for the analysis of employment dynamics in the informal sector. Panel data were collected on the basis of Rosstat information for recent years, maintaining comparability of data collection and processing methods. The study provides an assessment of employment in the informal sector for the regions of the south and north of the Russian Federation draws conclusions on the impact of the above groups of economic factors on employment in the informal sector in these regions. The relationship between per capita gross regional product and informal employment is revealed. The practical significance of the study lies in the fact that the results obtained may be in demand when assessing the processes of employment change during the development of strategies and programs for regional development. The prospects for further research are determined by a more in-depth analysis of the degree of influence of the current socio-economic situation on the level of employment in the regions.

Keywords: *informal sector, employment, north, south, production approach*

Введение

Исследования неформального сектора помогают понять его влияние и значимость как для экономического развития, так и для социальной защиты и устойчивости общества.

Изучение неформального сектора связано с тем, что он может представлять значительную часть экономики некоторых стран: так, например, доля неформального сектора в странах Восточной Европы и Центральной Азии в структуре валовой добавленной стоимости достигает 14,0%¹. При этом уровень занятости в неформальном секторе экономики также имеет значительные масштабы. Население, занятое в неформальной экономике, чаще всего имеет дело с нестабильными низкими доходами, ограниченностью социальной защиты и сталкивается с тяжёлыми условиями труда. Поэтому исследование занятости в неформальном секторе экономики поможет оценить не только её масштабы, но также выявить и понять особенности и проблемы тех, кто работает в неформальном секторе. Изучение занятости в неформальном секторе — это необходимый инструмент для анализа экономики и социальной реальности в регионах. Таким образом, актуальность данного исследования связана с отсутствием сравнительных данных по занятости в неформальном секторе на территориях севера и юга РФ.

Теоретические аспекты неформальности на рынке труда

Под неформальным сектором экономики понимают «совокупность видов хозяйственной деятельности, полностью или частично не подчинённых государственному регулированию, не подкреплённых формальными контрактами и не фиксируемых статистическим

¹ Официальный сайт Международной организации труда. URL: <https://www.ilo.org/> (дата обращения: 21.12.2023).

и налоговым учётом»². Объективным условием появления неформального сектора стало его изучение в развивающихся странах как отделившегося от фирменного устройства сегмента, где регулирование происходит по иным правилам к исполнению обязательств. К. Харт заложил основы понимания значимости неформального сектора экономики, который играл огромную роль в обеспечении политической стабильности и экономического роста развивающихся стран. На современном этапе исследователи неформального сектора изучают его как явление, которое различается по регионам как по масштабам, так и по форме, причинности, социальному составу³. Неформальный сектор экономики стал рассматриваться в качестве свойства, характерного как для развивающихся, так и для развитых стран. Он включает в себя экономику, начиная с домашних хозяйств и заканчивая неформальными (криминальными) практиками [1, с. 27]. Понятие «неформальный сектор» расширяется и становится не изолированным сегментом хозяйствования, а уже базовым компонентом экономической системы.

Выделяют три основных подхода⁴ к изучению неформальности на рынке труда. Во-первых, это производственный подход, в рамках которого занятость в неформальном секторе изучается исходя из характеристик предприятия. Во-вторых, легалистский подход, апеллирующий при изучении неформальной занятости к характеристикам рабочих мест. И в-третьих, выделяют «гибридный подход», сочетающий в себе логику двух ранее указанных подходов.

Неформальную занятость противопоставляют формальной занятости [2]. И начиная с 80-х гг. прошлого столетия её связывают с высокими издержками легальности [3]. Далее многие исследования посвящаются оценкам неформальности по различным показателям [4]. Так, согласно принятой Международной организацией труда резолюции⁵, оценить масштаб неформального сектора можно по показателям численности занятых и регистрации в той или иной правовой форме. Во многих странах наиболее доступна информация о численности занятых в экономике, а статистическая информация о регистрации предприятий имеет свои особенности, связанные прежде всего с её ограничениями и достоверностью. Основным критерием отнесения предприятия к неформальному сектору является показатель числа наёмного персонала (не более 5–7 человек).

Экономика развивающихся стран (таких как Россия), неоднородна, исследователи выделяют в них «нормальную» экономику (связанную с хозяйственной деятельностью государственных предприятий и транснациональных компаний) и «иную» экономику, имеющую дело с крестьянскими хозяйствами и мелкими предпринимателями. К населению, работаю-

² Барсукова С.Ю. Неформальная экономика. Курс лекций. Москва: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2009. 354 с.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Резолюция о статистике занятости в неформальном секторе, принятая 15-й Международной конференцией статистиков труда (Женева, 1993 г.). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_234473.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

щему в неформальном секторе, в нашей стране относят всех тех, кто работает на предприятиях, не имеющих регистрации. К ним относятся индивидуальные предприниматели без образования юридического лица (ИП), занятые по найму у физических лиц и ИП, занятые на индивидуальной основе (без регистрации ИП, самозанятые и нелегализованные), фермерские хозяйства, занятые по найму у физических лиц и ИП, а также производство в домашних хозяйствах продукции для реализации. Занятость в неформальном секторе РФ составляет примерно 20,0% [4]. Более того, ещё в 70-е гг. исследователи неформального сектора отмечали его наращивание с востока на запад и с севера на юг страны [5]. Государственная политика в отношении неформальности на рынке труда уже в постсоветской истории РФ в разные десятилетия была разная. Так, в 1990-е гг. государство игнорировало проблему неформальности. Далее в 2000-х гг. позиция поменялась, и ставка делалась уже на экономический рост, который должен способствовать решению проблем неформальности. Уже в 2010-е гг. стало понятно, что автоматической легализации не произошло, поэтому было определено направление в сторону усиления внимания государства к неформальности на рынке труда. Дискуссионным остаётся вопрос о том, в чём состоит компромисс государственной политики в отношении неформального сектора, который обладает таким преимуществом, как способность самоорганизоваться вдали от государства, одновременно являясь основой стабильности общественного развития. Исследователи, изучающие неформальный и формальный секторы экономики, предлагают идею неразрывности формального и неформального порядка на основе институционального анализа [1, с. 22].

Институционалисты выделяют социокультурный фактор, обуславливающий экономическое развитие территорий [6]. Как один из основных факторов, воздействующих на разнообразие регионального развития, они выделяют климат с его особенностями сельскохозяйственных методов, применяющихся в разных климатических зонах. Так, например, исследования указывают на N-образную зависимость температуры и «маскулинности» / «феминности», склонности к массовому стандартному производству или к сервисной деятельности и креативности. В климате со средними резко высокими и низкими температурами проживают «феминные» народности, которые признают необходимость консенсуса, заботы об окружающих, соблюдается ориентация на обслуживание, характерно интуитивное мышление, ценится скромность и принадлежность к определённой общности, группе. В более благоприятном климате проживают «маскулинные» народности, так как туда стекается огромное количество этнических групп, в результате возникает высокая конкуренция [7].

Таким образом, климатические условия выступают мощным фактором дифференциации в экономическом развитии [6], [7]. Исследования по регионам России указывают на существенные различия в их как социально-экономическом [8], так и социокультурном [9] развитии, что в свою очередь влияет на уровень неформальности на рынке труда.

Методология и материалы

Исследование в основном охватывает период с 2010 по 2021 гг. Работа выполнена на основе системного, институционального и производственного подходов. Эмпирический анализ проведён по северным и южным регионам, обладающим спецификой, отражающейся на оценках социально-экономического развития. Российские регионы отличаются между собой значительной асимметрией данного развития, разделяясь на богатые и бедные регионы. Это отличие особенно заметно при сравнении южных и северных территорий. К северным регионам ⁶ относятся республики Карелия, Коми, Тыва и Саха (Якутия), Архангельская, Мурманская, Магаданская и Сахалинская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, а также Камчатский край (далее — север России). К южным регионам ⁷ относятся республики Адыгея, Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-Алания, Чеченская, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области, а также Ставропольский край (далее — юг России) [10]. Целью исследования стал анализ особенностей неформальной занятости северных и южных регионов России. В качестве методологической основы исследования были использованы общенаучные методы познания: причинно-следственный и логико-структурный анализ, экономико-статистические методы (систематизация статистической информации, составление информационно-аналитической базы данных, др.). Обработка данных проведена с помощью MS Excel.

Результаты исследования

При сравнении валового регионального продукта (далее ВРП) юга и севера страны видим, что южные регионы проигрывают конкуренцию северным регионам по данному показателю (табл. 1).

Таблица 1

Валовый региональный продукт юга и севера России ⁸

Наименование	Значение по годам, млрд руб.							2010/ 2020
	2010	2012	2015	2016	2017	2018	2020	
Российская Федерация	37 687,8	49 926,0	65 750,6	69 237,7	74 798,9	84 976,7	93 810,3	2,5
Юг	3 229,8	4 394,5	6 030,7	6 385,1	6 862,2	7 422,2	8 456,8	2,6
Доля юга в РФ	8,6	8,5	8,8	9,2	9,3	9,2	9,2	-
Север	5 087,6	6 367,1	8 710,9	9 062,8	10 114,6	12 596,9	11 558,2	2,3
Доля севера в РФ	13,5	13,3	13,5	13,2	13,3	13,2	13,1	-

⁶ К северным регионам отнесены субъекты, вся территория которых относится к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям.

⁷ К южным регионам отнесены субъекты, которые территориально входят в состав Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

⁸ Источник: рассчитано по данным Росстата.

По официальным данным Росстата, за 2022 г. вклад неформальной экономики в ВВП РФ оценивается в 14,0–15,0%, но по регионам РФ эта цифра меняется и в некоторых южных регионах она достигает 40,0–60,0%⁹. Таким образом, неформальная экономика имеет большой потенциал к легализации в большинстве южных регионов, но применяемый механизм выравнивания бюджетной обеспеченности регионов способствует консервации иждивенческих настроений бедных регионов [11]. Росстат определяет вклад неформального сектора экономики (основным критерием определения единиц неформального сектора является критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица) в ВВП на основе экономических операций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами. Но это не «теневая» или криминальная экономика. К теневым операциям в легальной экономике относятся ситуации, когда часть производства намеренно скрывается от внимания государства, например, для уклонения от уплаты налогов. Доля такой теневой экономики составляет порядка 4,0% ВВП¹⁰. К производству в неформальном секторе Росстат, например, относит производство владельцев подсобных хозяйств, которые на своём участке выращивают товары для продажи на рынке. Кроме того, при расчёте ВВП Росстат учитывает и то, что все мы производим для собственного потребления (от овощей, ягод и грибов до самостоятельного ремонта своего автомобиля и др.). Криминальное производство товаров и услуг не учитывается в ВВП страны.

Неблагоприятность климатических условий для проживания обусловила отток населения с севера страны. Если до 1990-х гг. население севера росло, то после распада СССР миграционный отток усугубился, и за 1991–2020 гг. северные регионы потеряли порядка 6,0% населения¹¹.

Активной «принимающей» зоной северных мигрантов стали Центральный, Приволжский федеральные округа и, конечно же, южные регионы страны, то есть территории с более благоприятным климатом. Региональные столицы и их пригороды становятся «чуть ли не единственными точками позитивной динамики населения в подавляющем большинстве регионов России» [12]. В свою очередь, потенциал развития региональных центров определяется наличием ресурсов на периферии — в городах и районах, которые служат для них источниками миграционного прироста [8, 13].

Институционалисты установили, что в комфортных для проживания территориях возникают институты, ориентированные не на ренту, а на иную продуктивную деятельность, когда жизнь обустроивается для себя [14]. Здесь, в «принимающих» регионах юга возникают Краснодарская, Ставропольская, Ростовская и Волгоградская агломерации (несмотря на то, что в целом в этих регионах численность населения падала, за исключением Краснодарского

⁹ Глава Росстат: органы власти все больше интересуются статистикой. URL: <https://tass.ru/interviews/11610271?ysclid=m4b18rtocc907889292> (дата обращения: 08.02.2024).

¹⁰ Там же.

¹¹ Мкртчян Н. Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты // Демоскоп. 2002. № 79-80. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/079/tema06.php> (дата обращения: 01.11.2022).

края, где численность выросла на 10,0 % (табл. 2), в то время как численность городского населения росла (табл. 3)), и как следствие — в таких регионах обостряется конкуренция [14, 11].

Таблица 2

*Динамика численности населения, тыс. человек*¹²

Наименование	2010	2015	2020
Юг	23 290	23 763	24 038
Краснодарский край	5 230	5 514	5 684
Ростовская область	4 275	4 236	4 181
Волгоградская область	2 607	2 546	2 475
Ставропольский край	2 786	2 802	2 793
Север	7 915	7 859	7 815

Таблица 3

*Динамика численности городского населения, тыс. человек*¹³

Наименование	2010	2015	2020
Юг	12 343	12 832	13 321
Краснодарский край	2 767	2 994	3 160
Ростовская область	2 877	2 872	2 851
Волгоградская область	1 981	1 953	1 916
Ставропольский край	1 594	1 634	1 478
Север	6 095	6 130	6 174

Население южных регионов России на 2021 г. составляет 16,5% от численности населения страны, в то время как численность северных регионов составляет 5,3%, что в три раза меньше.

Исследователи выделяют три условия [8]: экономическая самостоятельность (показатель доли работающих в малом бизнесе), экономические ресурсы (доля населения старше трудоспособного возраста) и уровень образования, которые в значительной степени определяют поведение населения одновременно с точки зрения социальной самостоятельности и институционального устройства. Ниже мы проанализировали данные три условия.

1) Доля работающих в малом бизнесе

Этот показатель характеризует уровень самостоятельности населения. Почему это так важно? Так как люди, работающие в малом бизнесе, это те, кто каждый день принимает экономические решения самостоятельно. Сколько их от всей численности населения? Так, к примеру в Москве каждый третий житель работает в малом бизнесе (26–29%), на Юге и на Севере эта цифра в два раза ниже и составляет порядка 10–11% (табл. 4).

Таблица 4

*Динамика численности занятых на малых предприятиях в южных и северных регионах России, 2010–2021 гг.*¹⁴

Год	Южные регионы		Северные регионы	
	тыс. чел.	доля от всей численности занятых, %	тыс. чел.	доля от всей численности занятых, %
2010	1 109,7	11,7	506,5	11,9
2012	1 130,2	11,8	482,3	11,3
2013	1 129,6	11,6	475,4	11,2

¹² Источник: рассчитано по данным Росстата.¹³ Источник: рассчитано по данным Росстата.¹⁴ Источник: Рассчитано по данным Росстата.

2014	1 135,5	11,9	454,6	10,8
2016	1 029,9	10,1	421,8	10,0
2017	1 112,6	10,8	438,4	10,8
2018	1 079,0	10,5	436,2	10,3
2019	1 136,7	11,1	445,7	11,3
2021	993,3	9,6	443,4	10,6

Как на юге, так и на севере численность занятых в малом предпринимательстве характеризуется тенденцией к снижению. Если на юге страны до 2014 г. занятость в малом бизнесе росла, то после 2014 г. численность занятых на малых предприятиях здесь падала, и падение продолжается по настоящее время, в целом за последние десять лет она снизилась на 10,5%. В северных регионах численность падала из года в год, и за десять лет падение составило 12,5%. Таким образом, уровень самостоятельности большей части жителей юга и севера трудно назвать высоким, а исследования показывают, что в кризисные годы растёт занятость в неформальной экономике [4], так как уходом в тень предприниматели сокращают свои издержки [8].

2) Удельный вес населения старше трудоспособного возраста

Данный показатель важен с точки зрения рисков неформальной занятости, так как у данной возрастной группы этот риск довольно высокий вследствие специфики человеческого капитала, здоровья и т. д. На севере население в возрасте старше трудоспособного в среднем за 2005–2020 гг. составило 17,6%, в южных регионах эта цифра выше — 20,1%. То есть на юге каждый пятый житель является пенсионером. На севере возраст выхода на пенсию ниже на пять лет, то есть при прочих равных пенсионеров на севере должно быть больше, но здесь значительную роль играет миграционный фактор: часто люди, выйдя на пенсию, переезжают в более благоприятные для жизни регионы, в результате доля трудоспособных на севере выше по сравнению с югом (табл. 5).

Таблица 5

Динамика удельного веса населения в трудоспособном возрасте на юге и севере России, %¹⁵

Наименование	Доля трудоспособного населения в общей численности населения			Занятое трудоспособное население в общей численности населения		
	2010	2015	2020	2010	2015	2020
Россия	61,5	57,4	56,0	47,3	48	49,7
Север России	65,6	61,2	58,6	53,7	54,1	58,6
Юг России	60,7	57,1	55,7	37,6	36,1	31,2

Северные регионы, несмотря на снижение доли трудоспособного населения за последние 10 рассматриваемых лет на 7 п.п., имеют рост занятости, значение которой сохраняется на уровне выше среднего по стране, в то время как южные регионы имели снижение

¹⁵ Источник: Рассчитано по данным Росстата.

доли трудоспособных на 5 п.п., но, в отличие от северных регионов, здесь наблюдается более низкие показатели занятости.

3) Уровень образования населения

Образовательный уровень населения прежде всего связан с выбором каждого индивида неформальной или формальной занятости, а также с качеством человеческого капитала, который оказывает значительное влияние на конкурентоспособность региона [16]. Перепись населения 2020 г. показала, что уровень образования растёт в целом по РФ (табл. 6).

Таблица 6

Уровень образования населения старше 15 лет в северных и южных регионах России (на 1 000 населения), по данным переписей 2010 и 2020 гг.¹⁶

Наименование	2010				2020			
	высшее	неполное	среднее	начальное	высшее	неполное	среднее	начальное
Россия	234	46	312	56	267	24	258	137
Юг	208	49	266	49	236	21	224	100
Север	214	40	335	64	279	20	259	147

На юге численность населения в возрасте 15 лет и старше, имеющего уровень высшего образования, в 2020 г. выросла и в расчёте на 1 000 человек составила 236 против 208 в 2010 г. При этом за десять лет число людей со средним профессиональным образованием снизилось с 266 до 224 в расчёте на 1 000 человек. За всё те же десять лет наблюдался рост численности населения с начальным профессиональным образованием — с 49 до 100 на 1 000 человек.

На севере страны образовательные тенденции имели похожий характер. Так, численность населения в возрасте 15 лет и старше, имеющего высшее образование, выросла, а вот число обладателей среднего и начального профессионального образования сократилось. Таким образом, население на севере активнее повышало свой уровень образования, но доминирующая добывающая отрасль в экономике поддерживает востребованность на «невысокий» уровень образования населения, поэтому северные регионы имеют существенную долю лиц с начальным профессиональным образованием (рис. 1).

¹⁶ Составлено по данным переписей 2010 и 2020 гг.

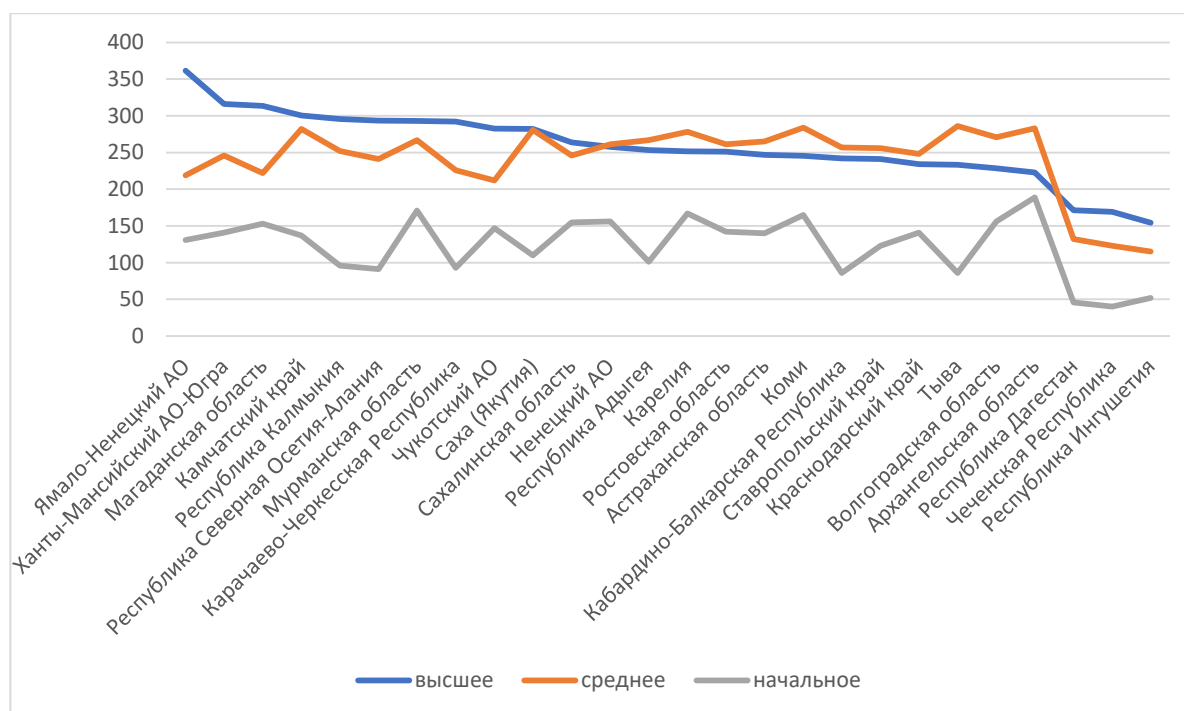

Рис. 1. Структура населения старше 15 лет по уровню образования в регионах России (на 1 000 населения) ¹⁷.

Институциональные изменения на рынке труда в регионах повлияли на поведенческие установки населения, что проявилось в адаптации к новым реалиям посредством получения образования, поэтому в целом для РФ характерен рост лиц с высшим образованием.

Таким образом, три условия — экономическая самостоятельность, экономические ресурсы и уровень образования — в значительной степени определяют поведение этих людей одновременно с точки зрения социальной самостоятельности и институционального устройства. А поскольку для регионов России неизбежно институциональное разнообразие [17, 9], то и примеры регионов севера и юга показывают территориальные отличия по условиям неформальной занятости. Отметим, что оценки неформальной занятости разными ведомствами РФ имеют разные значения. Так, Минтруд относит к неформально занятым 18–20 млн человек (это 27,0% от общей численности занятых в экономике). Росстат определяет количество занятых в неформальном секторе на уровне 15 млн человек, или 20% занятых ¹⁸. В целом для России характерна тенденция к росту неформальной занятости в экономике [18]. Поэтому в нашей стране активно обсуждаются вопросы сокращения масштабов занятости в неформальном секторе [19, 20]. Но каковы же масштабы занятости в неформальном секторе на юге и севере страны? Численность занятых в неформальном секторе на юге страны в два раза больше по сравнению с северными регионами (табл. 7).

¹⁷ Источник: перепись населения 2020 г.

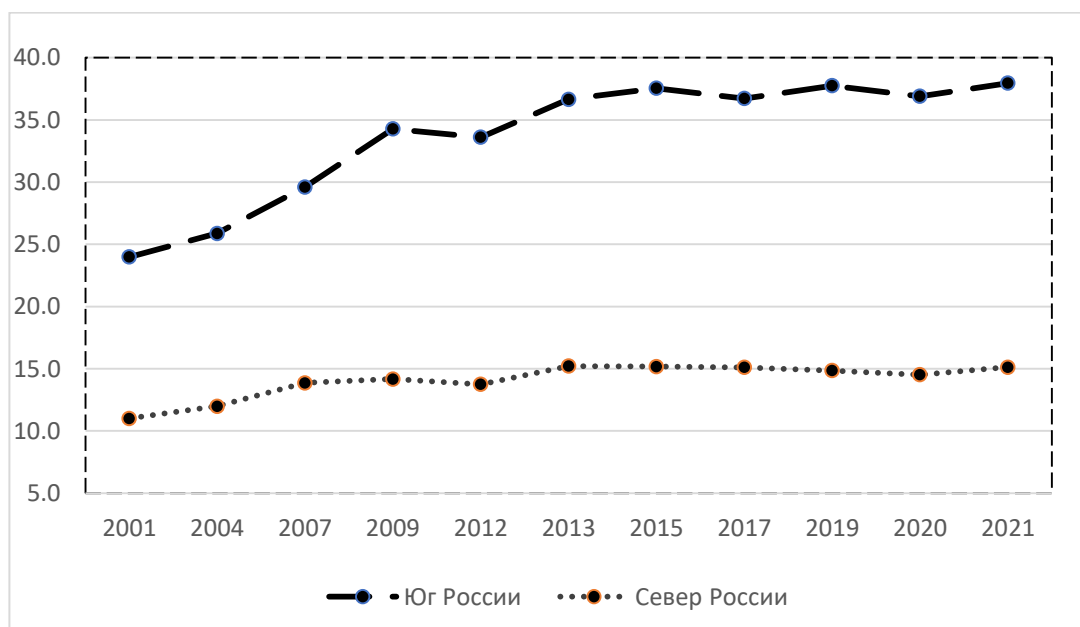
¹⁸ Росстат: стат. сб. Итоги выборочного обследования рабочей силы. Москва, 2012. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 02.10.2023).

Таблица 7

Численность занятых в неформальном секторе за 2010–2021 гг., %¹⁹

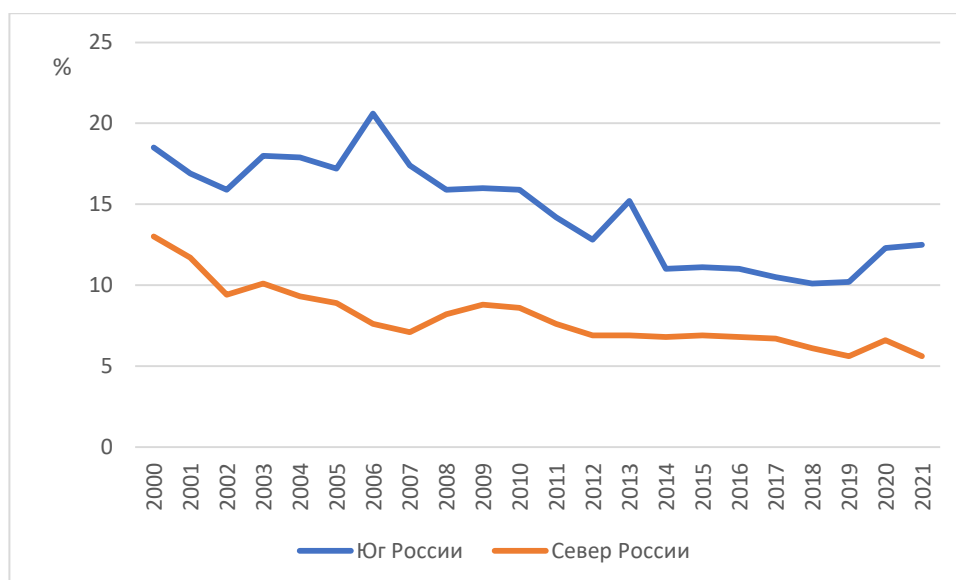
Наименование	2010	2012	2013	2015	2017	2021
Россия	19,5	19,0	19,7	20,5	19,8	20,3
Юг России	34,3	33,6	36,7	37,5	36,7	38,0
Север России	14,2	13,7	15,2	15,2	15,1	15,1

Данные Росстата показывают, что в период активного экономического роста в начале 2000-х гг. число занятых в неформальном секторе не сокращалось, а наоборот росло: как в стране в целом, так и в её северных и южных частях. На рис. 2 хорошо видно, что их число активнее росло на юге, который традиционно отличается высокими значениями неформальности [21].

Рис. 2. Динамика численности занятых в неформальном секторе за 2001–2021 гг., %²⁰.

Начиная со второй половины 2000-х гг. неформальный сектор перестал расширяться. Переток из формального сектора в неформальный почти остановился. При этом уровень безработицы за последние двадцать лет имел тенденцию к снижению как на юге, так и на севере страны. И если юг РФ имеет высокие показатели неформальности и безработицы, то для севера РФ характерны более низкие значения неформальности и, соответственно, безработицы (рис. 3).

¹⁹ Источник: рассчитано по данным Росстата.²⁰ Источник: данные Росстата.

Рис. 3. Динамика безработицы за 2001–2020 гг.²¹

В целом, как было сказано выше, динамика безработицы имеет снижающий тренд как на севере, так и на юге РФ. Рис. 2 и 3 демонстрируют падение уровня безработицы и расширение границ неформального сектора, который разрастался до 2014 г., а после данного года темпы нарастания существенно снизились, и тренд приобрёл «ровный» характер. Таким образом, потенциал неформальности, амортизирующий избыточную зарегулированность законодательства, которая должна создавать пространство для развития предпринимательства, приостановился.

Можно ли назвать неформальный сектор на юге и севере России колыбелью предпринимательства? В неформальном секторе России условно можно выделить два яруса. Первый ярус представлен разными видами деятельности, которые можно объединить словом «предпринимательство», то есть самоинициативная деятельность людей. А во втором ярусе — работники, занятые по найму у физических лиц или у индивидуальных предпринимателей (рис. 4).

²¹ Источник: данные Росстата.

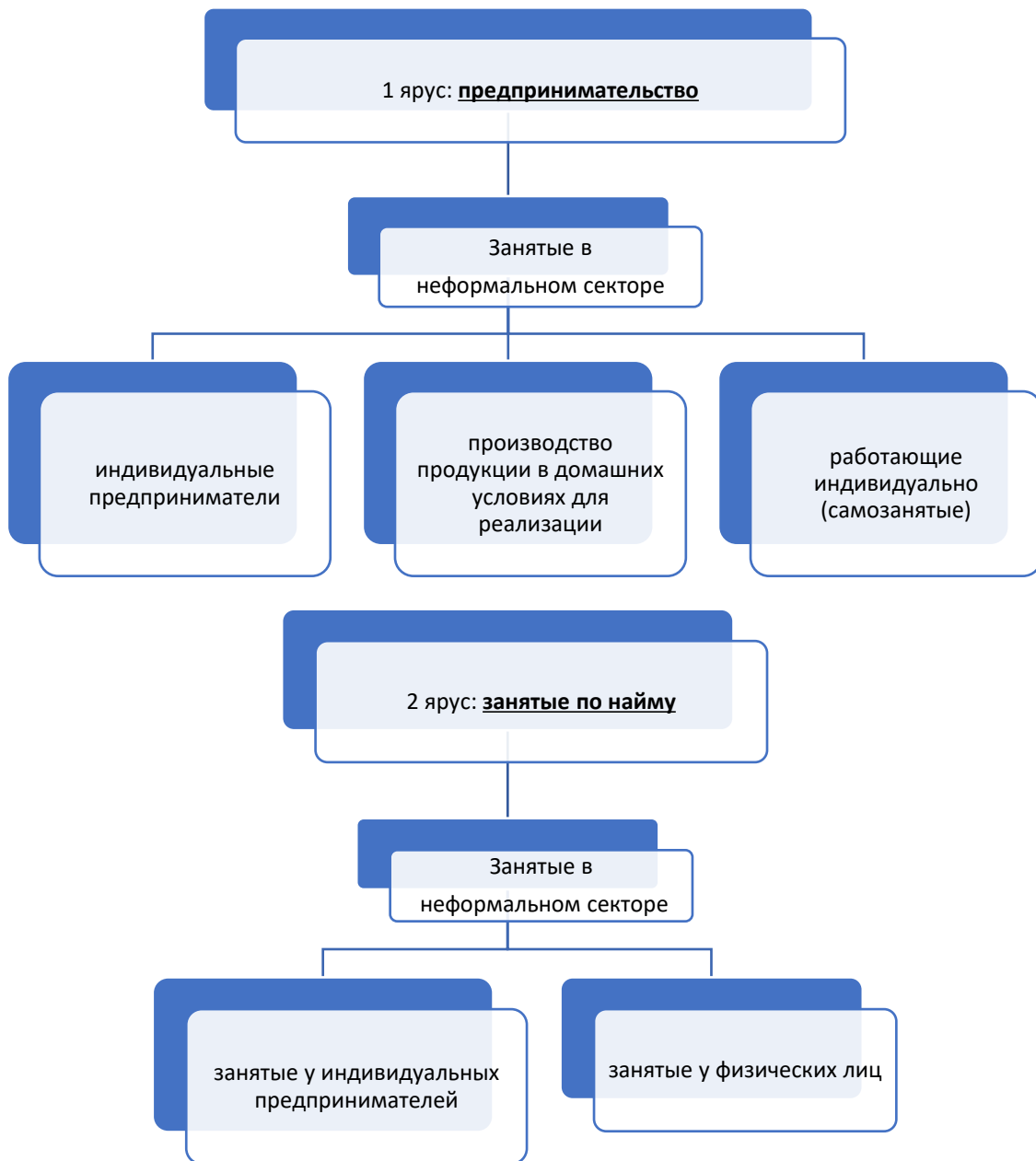

Рис. 4. Занятость в неформальном секторе Российской Федерации ²².

Российские исследования [23; 24] показывают, что неформальный сектор в нашей стране представлен людьми, которые работают в найме у физических лиц, у индивидуальных предпринимателей. На севере России, по данным обследований рабочей силы, в 2021 г. численность занятых в неформальном секторе в возрасте 15–72 лет составила 502,0 тыс. человек, что составляет 12,9% от общей численности занятого населения, остальные 87,1% занятого населения работают в формальном секторе экономики (рис. 5).

²² Источник: составлено по [21].

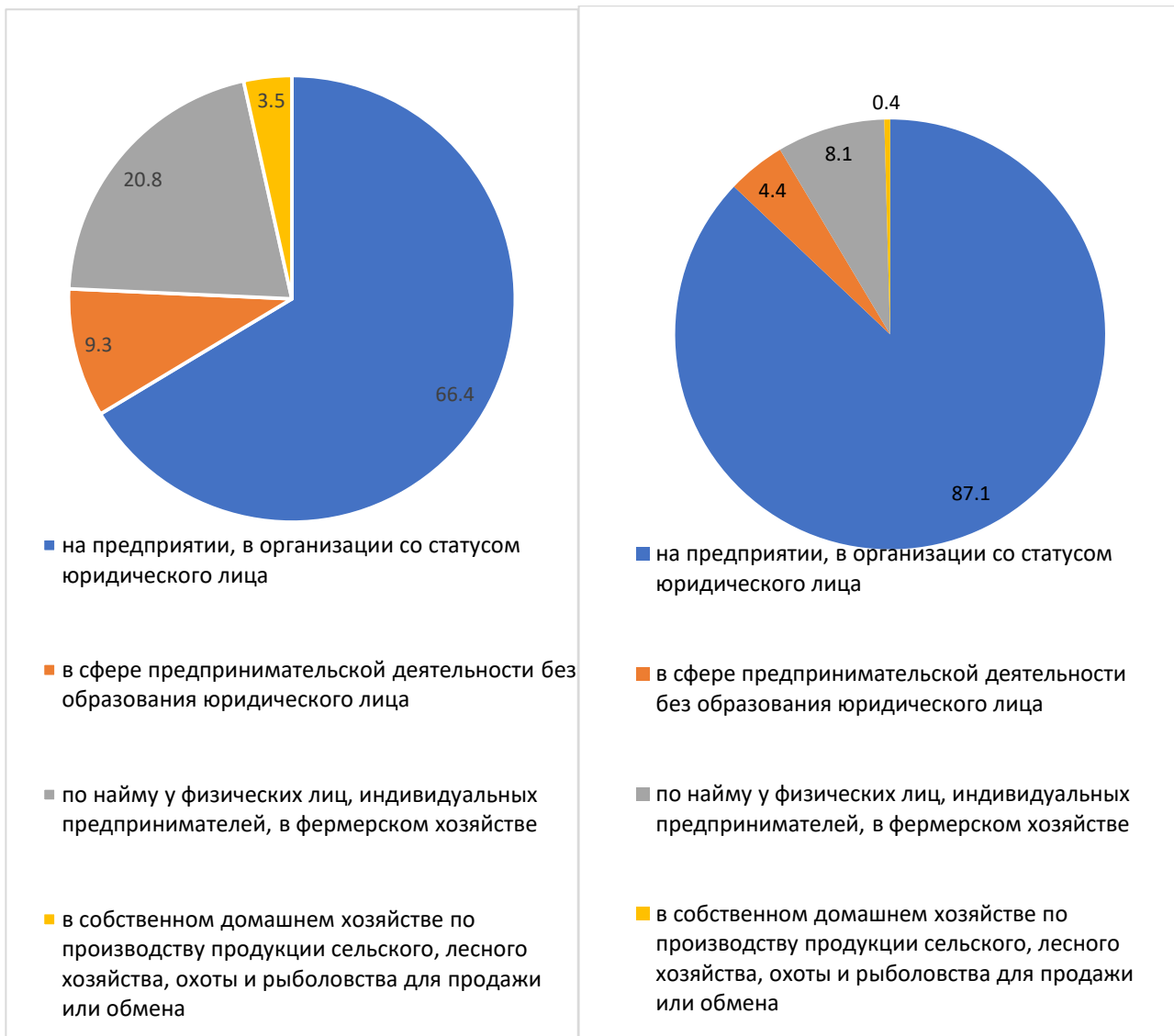
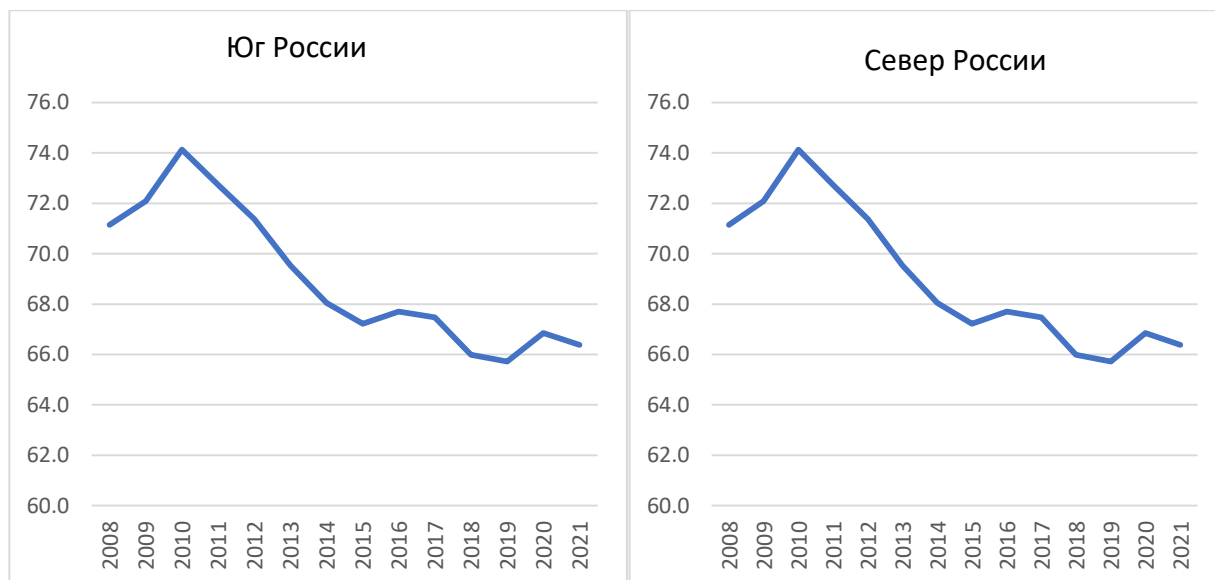

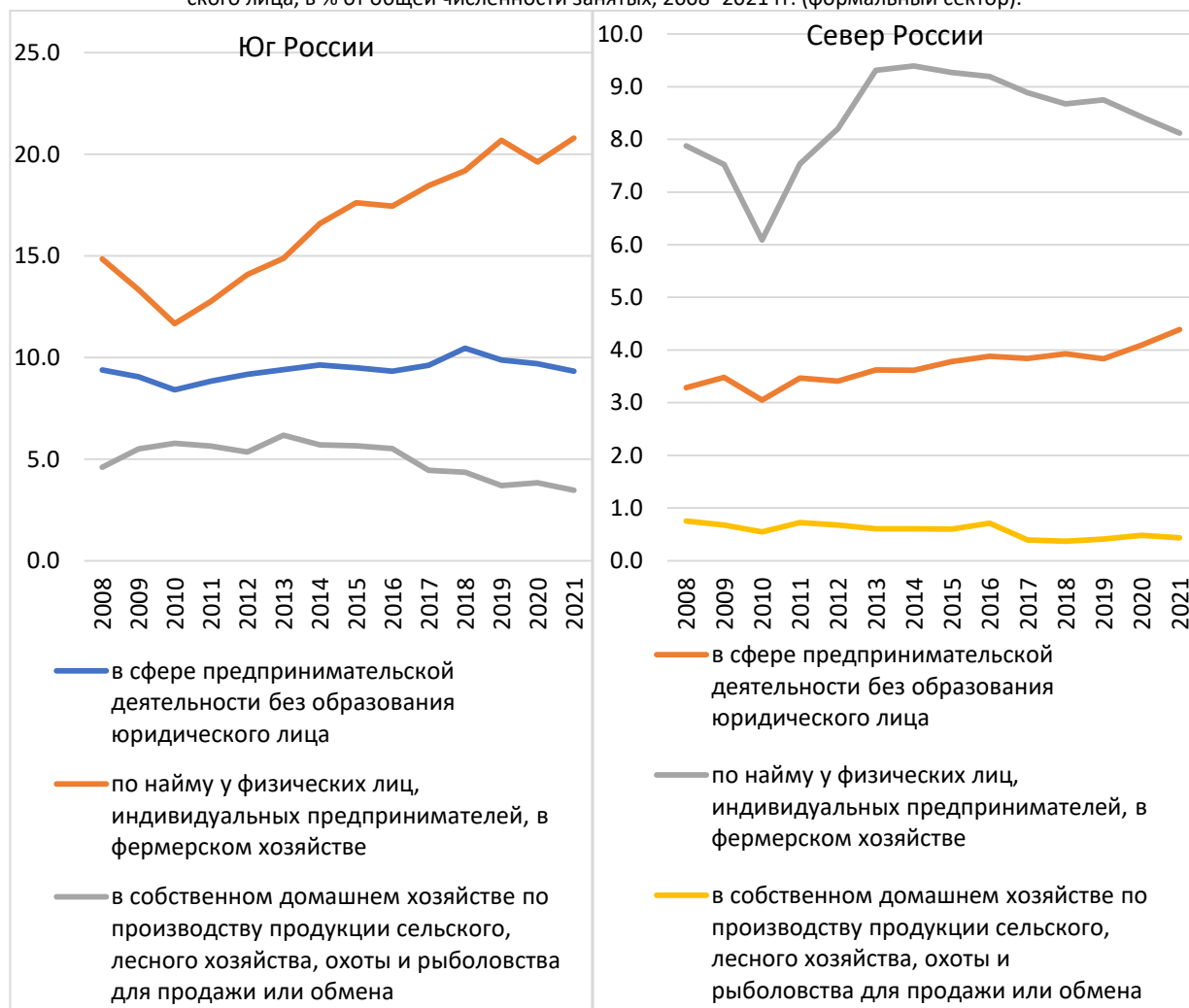
Рис. 5. Распределение занятого населения в возрасте 15–72 лет по месту основной работы, в % от общей численности занятых, 2021 г. (слева — Юг России, справа — Север России) ²³.

Пик занятости в корпоративном секторе приходился как в южных, так и в северных регионах на 2010 г., с условием, что мы анализируем период за 2008–2021 гг., соответственно самая низкая занятость в сфере предпринимательской деятельности приходилась на 2010 г., после чего корпоративная занятость начинает падать в рассматриваемых регионах, наблюдается сужение корпоративного сектора (рис. 6).

²³ Источник: данные Росстата.

Динамика занятого населения регионов России в возрасте 15–72 лет на предприятии, в организации со статусом юридического лица, в % от общей численности занятых, 2008–2021 гг. (формальный сектор).

Динамика занятого населения регионов России в возрасте 15–72 лет по месту основной работы, в % от общей численности занятых, 2008–2021 гг. (неформальный сектор).

Рис. 6. Динамика занятого населения регионов России в возрасте 15–72 лет по месту основной работы, в % от общей численности занятых, 2008–2021 гг.²⁴

²⁴ Источник: данные Росстата.

Экономический кризис 2009 г. затронул как формальный, так и неформальный сектора экономики. Численность в неформальном секторе за 2 года сократилась на севере на 0,1%, в то время как на юге страны численность занятых в формальном секторе экономики сократилась намного значительнее: на 2,6%. В целом за рассматриваемый период на юге страны занятость в корпоративном секторе сократилась сильнее (на 8%), а на севере сужение корпоративной занятости выражено слабее по сравнению с югом (на 4%). Но, несмотря на снижение, корпоративный сектор по-прежнему обеспечивает основную занятость (в пределах 87% на севере и 66% на юге).

Предпринимательская активность населения в РФ в условиях кризиса должна падать в связи с повышением уровня нестабильности в экономике [25]. Так, в южных регионах России с 2010 г. мы наблюдаем динамичный рост численности работников в найме у физических лиц, индивидуальных предпринимателей, в фермерском хозяйстве, но при этом доля предпринимателей падает. Уже после 2018 г. на юге страны падала как численность занятых в сфере предпринимательской деятельности, так и число предпринимателей. На севере обратная ситуация: до 2014 г. наблюдался рост числа работников в найме у физических лиц, индивидуальных предпринимателей, в фермерском хозяйстве, после чего численность занятых начинает падать, но растёт доля предпринимателей. Таким образом, если весь прирост неформальной занятости за последние 11 лет на юге страны обеспечивался за счёт расширения неформальной работы по найму, то на севере её преобладающей формой начинает выступать самозанятость (динамика положительная).

Подытожим: неформальный сектор имеет значительное влияние на экономику региона и страны по нескольким аспектам. Во-первых, он часто является одним из основных источников занятости для многих людей, особенно в развивающихся странах. Он позволяет людям получать доход при ограниченности формального сектора экономики. В некоторых странах неформальный сектор может составлять значительную долю занятости и иметь важное социальное значение для людей, а также вносить значительный вклад в экономику региона. Нелегальные предприятия и самозанятые работники могут генерировать доходы, создавать рабочие места и участвовать в торговле и производстве товаров и услуг. Во-вторых, неформальный сектор часто называют «колыбелью» малого предпринимательства, при этом неформальность распространена в таких отраслях, как розничная торговля, предоставление услуг и сельское хозяйство. В-третьих, значимость для экономики представляет такое свойство неформального сектора, как гибкость и адаптивность к изменяющимся экономическим условиям. Население и предприниматели, работающие в неформальном секторе, могут быстро реагировать на изменения спроса, приспосабливаться к новым условиям и предлагать более гибкие цены и условия работы. Это особенно важно в периоды экономических кризисов или нестабильности. Однако неформальный сектор также имеет свои негативные стороны для экономического развития. Основным недостатком неформального сектора является уклонение от уплаты налогов, а также неподотчётность официальным статистическим

ведомствам, что в свою очередь приводит к искажению реальной экономической ситуации и создаёт проблемы для финансирования государственных программ, включая социальные и инфраструктурные проекты. Таким образом, неформальный сектор имеет значимость для экономики региона, но его влияние может быть как позитивным, так и негативным: в зависимости от специфики экономического положения страны.

Заключение

В данной работе оценивались масштабы уровня занятости в неформальном секторе от ряда социально-экономических показателей по северным и южным регионам России. Результаты исследования подтвердили неоднородность занятости в неформальном секторе на уровне регионов юга и севера России. Анализ занятости в неформальном секторе рассматриваемых регионов показал, что неформальность распространена в большей степени на юге страны. Поскольку климатические условия выступают мощным фактором дифференциации в экономическом развитии, в ходе проведённого исследования выявилось, что южные регионы проигрывают конкуренцию северным регионам по ВРП. Однако в «принимающих» регионах юга возникли Краснодарская, Ставропольская, Ростовская и Волгоградская агломерации, и в результате здесь обостряется конкуренция. По факту мы видим, что рост численности населения на юге страны в лице появления агломераций, которые являются точкой роста малого предпринимательства, привёл к росту числа занятых на малых предприятиях, а доля занятых на малых предприятиях в три раза ниже, чем в федеральных городах Москве и Санкт-Петербурге, и имеет тот же уровень, что и на севере страны (не более 11,0%).

Трансформационные процессы не обошли южные и северные регионы России. Эти процессы привели к росту конкуренции на рынке труда, а чтобы успешно адаптироваться к новым условиям, население начало активно получать образование, что обусловило рост лиц с высшим профессиональным образованием как на юге, так и на севере, поскольку именно высшее образование даёт более «качественный» уровень социализации.

Кроме того, имеется связь показателей ВРП и неформальной занятости: южные регионы с меньшим ВРП имеют больший охват неформальной занятостью, тогда как в северных регионах ситуация обратная.

Список источников

1. Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies / Ed. by B. Guha-Khasnobis, R. Kanbur, E. Ostrom. Oxford University Press. 2006. 294 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0199204764.001.0001>
2. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // The Manchester School. 1954. № 22 (2). Pp. 139–191. DOI: <https://doi.org/10.1111/J.1467-9957.1954.TB00021.X>
3. Сото Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире / Пер. с англ. Б. Пинскера. Москва: Catallaxy, 1995. 320 с.
4. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: монография / Под ред. Гимпельсона В.Е., Капелюшниковой Р.И. Москва: ИД Высшей школы экономики, 2014. 535 с.
5. Grossman G. The «Second Economy» of the USSR // Problems of Communism. 1977. Pp. 25–40.

6. Sokoloff K.L., Engerman S.L. Institutions, Factor Endowments, and Paths of Development in the New World // *Journal of Economic Perspectives*. 2000. No. 14 (3). Pp. 217–232.
7. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Publishers, 2012. 579 p.
8. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // *Журнал НЭА*. 2015. № 2 (26). С. 226–231.
9. Брызгалин В.А., Никишина Е.Н. Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике // *Вопросы экономики*. 2020. № 7. С. 108–126. DOI: <https://doi.org/10.32609-0042-8736-2020-7-108-126>
10. Терентьева М.А. Роль малого предпринимательства в обеспечении занятости на Российском севере // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 4. С. 108–125. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.6>
11. Мусаева Х.М., Шахбанова З.И., Керимова З.А. Вероятностные характеристики неформальной экономики и ее легализация как резерв роста налоговых доходов бюджета // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2023. № 10–3. С. 377–384. DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.3057>
12. Мкртчян Н.В. Региональные столицы России и их пригороды. Особенности миграционного баланса // *Известия РАН. Серия географическая*. 2018. № 6. С. 26–38. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2587556618060110>
13. Зубаревич Н.В. Развитие российских агломераций: тенденции, ресурсы и возможности управления // *Общественные науки и современность*. 2017. № 6. С. 5–21.
14. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория / Под ред. Аузана А.А., Дорошенко М.Е., Елисеева А.Н. и др. Москва: ИНФРА М, 2011. 447 с.
15. Acs Z.J., Varga A. Entrepreneurship, Agglomeration and Technological Change // *Small Business Economics*. 2005. No. 24 (3). Pp. 323–334. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-005-1998-4>
16. Клячко Т.Л. *Образование в России: основные проблемы и возможности решения*. Москва: ИД «Дело», 2013. 48 с.
17. Баранов А.Ю., Малков Е.С., Полищук Л.И., Рохлиц М., Сяняев Г.Р. Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ // *Вопросы экономики*. 2015. № 2. С. 69–103. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-2-69-103>
18. Вередюк О.В. Неформальная занятость: структура и факторы риска в России // *Вестник СПбГУ. Серия 5. Экономика*. 2016. № 4. С. 33–48. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2016.402>
19. Ахмадеев Д.Р. Анализ факторов, влияющих на развитие неформальной занятости в субъекте Федерации // *Вопросы регулирования экономики*. 2014. № 4. С. 92–104.
20. Салин В.Н., Нарбут В.В. Неформальная занятость населения России: оценка масштаба и влияния на государственные финансы страны // *Финансы: теория и практика*. 2017. Т. 21. № 6. С. 60–69. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2017-21-6-60-69>
21. Куницына Н.Н., Джиоев А.В. Зависимость неформальной занятости от уровня доходов населения российских регионов: уроки пандемии // *Экономика региона*. 2023. Т. 19. № 2. С. 437–450. DOI: <https://doi.org/10.17059/econ.reg.2023-2-11>
22. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика. Москва: ИД Высшей школы экономики, 2009. 354 с.
23. Barsukova S., Radaev V. Informal Economy in Russia: A Brief Overview // *Economic Sociology. The European Electronic Newsletter*. 2012. Vol. 13. No. 2. Pp. 4–12.
24. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. 448 с.
25. Габелко М.В., Мурзачева Е.И., Алимова Т.А., Чепуренко А.Ю., Образцова О.И., Демьянова Ю.В., Ченина А.В. Предпринимательская активность россиян в условиях кризиса // *Мир перемен*. 2010. № 3. С. 147–162.

References

1. Guha-Khasnobis B., Kanbur R., Ostrom E., eds. *Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies*. Oxford University Press, 2006, 294 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0199204764.001.0001>

2. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *The Manchester School*, 1954, no. 22 (2), pp. 139–191. DOI: <https://doi.org/10.1111/J.1467-9957.1954.TB00021.X>
3. Soto de H. *The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World*. Moscow, Catallaxy Publ., 1995, 320 p. (In Russ.)
4. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. *In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labor Market*. Moscow, HSE Publ., 2014, 535 p. (In Russ.)
5. Grossman G. The “Second Economy” of the USSR. *Problems of Communism*, 1977, pp. 25–40.
6. Sokoloff K.L., Engerman S.L. Institutions, Factor Endowments, and Paths of Development in the New World. *Journal of Economic Perspectives*, 2000, no. 14 (3), pp. 217–232.
7. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York, Crown Publishers, 2012, 579 p.
8. Zubarevich N.V. Spatial Strategy After the Crisis: From the Big Projects to Institutional Modernization. *Journal of the New Economic Association*, 2015, no. 2 (26), pp. 226–231.
9. Bryzgalin V.A., Nikishina E.N. Is There a Regional Culture in Russia? Opportunities of Using a Sociocultural Approach in Economics. *Economic Questions*, 2020, no. 7, pp. 108–126. DOI: <https://doi.org/10.32609-0042-8736-2020-7-108-126>
10. Terentyeva M.A. Role of Small Business in Providing Employment in the Russian North. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 108–125. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.6>
11. Musaeva Kh.M., Shakhbanova Z.I., Kerimova Z.A. Probabilistic Characteristics of the Informal Economy and Its Legalization as a Reserve for the Growth of Tax Revenues of the Budget. *Journal of Altai Academy of Economics and Law*, 2023, no. 10–3, pp. 377–384. DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.3057>
12. Mkrtchyan N.V. Regional Capitals and their Suburbs in Russia: Net Migration Patterns. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*, 2018, no. 6, pp. 26–38. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2587556618060110>
13. Zubarevich N.V. Russia’s Agglomerations Development: Trends, Resources and Governing. *Social Sciences and Contemporary World*, 2017, no. 6, pp. 5–21.
14. Auzan A.A., Doroshenko M.E., Eliseev A.N., et al. *Institutional Economics: The New Institutional Economic Theory*. Moscow, INFRA M Publ., 2011, 447 p. (In Russ.)
15. Acs Z.J., Varga A. Entrepreneurship, Agglomeration and Technological Change. *Small Business Economics*, 2005, no. 24 (3), pp. 323–334. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-005-1998-4>
16. Klyachko T.L. *Education in Russia: Main Problems and Possibilities of Solution*. Moscow, Delo Publ., 2013, 48 p. (In Russ.)
17. Baranov A.Yu., Malkov E.S., Polishchuk L.I., Rokhlitz M., Syunyaev G.R. Measuring Institutions in Russian Regions: Methodology, Sources of Data, Analysis. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 2, pp. 69–103. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-2-69-103>
18. Veredyuk O.V. Informal Employment: Structure and Risk Determinants in Russia. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2016, no. 4, pp. 33–48. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2016.402>
19. Akhmadeev D.R. The Analysis of the Factors Influencing on the Development of the Informal Employment in the Region. *Journal of Economic Regulation*, 2014, no. 4, pp. 92–104.
20. Salin V.N., Narbut V.V. Informal Employment of the Population of Russia: Assessment of the Scale and the Impact on Public Finances of the Country. *Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 60–69. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2017-21-6-60-69>
21. Kunitsyna N.N., Dzhioev A.V. Dependence of Informal Employment on Population Income in Russian Regions: Lessons from the Pandemic. *Economy of Regions*, 2023, vol. 19, no. 2, pp. 437–450. DOI: <https://doi.org/10.17059/econ.reg.2023-2-11>
22. Barsukova S. Yu. *Informal Economics. A Course of Lectures: The Textbook*. Moscow, HSE Publ., 2009, 354 p. (In Russ.)
23. Barsukova S., Radaev V. Informal Economy in Russia: A Brief Overview. *Economic Sociology. The European Electronic Newsletter*, 2012, vol. 13, no. 2, pp. 4–12.
24. Barsukova S.Yu. *Informal Economy. Economic and Sociological Analysis*. Moscow, HSE Publ., 2004, 448 p. (In Russ.)

25. Gabelko M.V., Murzacheva E.I., Alimova T.A., Chepurenko A.Yu., Obraztsova O.I., Entrepreneurial Activity of Russians in the Crisis. *The World of Transformations*, 2010, no. 3, pp. 147–162.

*Статья поступила в редакцию 20.12.2023; одобрена после рецензирования 04.02.2024;
принята к публикации 12.02.2024*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов